

На правах рукописи

ОСИПОВА Татьяна Вячеславовна

**Погребения с разрушенными костяками в средневековых могильниках
Окско-Сурского междуречья**

Специальность 07.00.06. – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск 2006

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г.Белинского»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Белорыбкин Геннадий Николаевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Руденко Константин Александрович
кандидат исторических наук, доцент
Пастушенко Игорь Юрьевич

Ведущая организация: **Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан**

Защита состоится “ ____ ” _____ 2006 года в _____ часов на заседании диссертационного Совета Д 212.275.01 в ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Автореферат разослан “ ____ ” _____ 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного Совета,
к.и.н., доцент

Г.Н.Журавлева

Общая характеристика работы.

Актуальность темы. На территории Окско-Сурского междуречья находится большое количество археологических памятников средневековья. Ценными в историческом плане источниками являются могильники, которые содержат важную информацию о жизни средневекового общества и открывают широкий спектр существовавших обычаев и ритуалов народов, населяющих данный регион.

Изучение археологических материалов, полученных в результате раскопок древних захоронений, помогает составить полное представление о погребальных традициях. Они, в свою очередь, позволяют выявить археологические признаки местных культур, проследить эволюцию их развития, выделить основные черты и внешние инновации. Для того чтобы получить наиболее полное представление о материальной и духовной жизни народа, оставившего тот или иной могильник, нужно подробно систематизировать и проанализировать все стороны погребального обряда.

Погребальные памятники Окско-Сурского междуречья давно являются предметом изучения, позволившего выделить несколько традиций обращения с телами умерших: трупоположение, трупосожжение, ритуальное разрушение тела покойного. Если погребения с обрядом трупоположения и трупосожжения достаточно хорошо классифицированы (П.П. Ефименко, П.С. Рыков, П.П. Иванов, А.П. Смирнов, А.Х. Халиков, А.Е. Алихова, Е.И. Горюнова, М.Ф. Жиганов, В.Ф. Генинг, Ю.А. Зеленева, Р.Ф. Воронина, О.В. Зеленцова, О.В. Букина и другие), то могилы с разрушенными костяками не получили должного внимания. Это связано в первую очередь с тем, что в археологической науке такие погребения часто считаются ограбленными и не исследуются. Но большое количество таких захоронений в могильниках Окско-Сурского междуречья предполагает существование какого-то особого обряда погребения умерших у населения данного региона в III-XIV вв.

Поэтому **объектом** данного исследования стали могильники Окско-Сурского междуречья, содержащие погребения с разрушенными костяками.

Предметом изучения является выделение особенностей погребального обряда захоронений с разрушенными костяками, выявление наиболее характерных черт этого обряда и их отражение в могильниках Окско-Сурского междуречья, а также хронологические и пространственные особенности погребального обряда в регионе.

Степень изученности проблемы. Изучение могильников Окско-Сурского междуречья начинается во второй половине XIX в. Раскопки проводились В.Н. Ястребовым, В.М. Терехиным, А.А. Спицыным. В XX в. велись активные археологические исследования, что позволило накопить большое количество материала по погребальным обрядам древнего населения. Среди наиболее крупных исследователей можно выделить А.Е. Али-

хову, В.Н. Мартянова, И.М. Петербургского, В.Н. Шитова, Ю.А. Зеленева, В.В. Гришаква.

Наличие погребений с разрушенными костяками в данном регионе было отмечено М.Р. Полесских, Р.Ф. Ворониной, А.Х. Халиковым. В 80-х гг. XX в. появились теоретические исследования, интерпретирующие погребения с разрушенными костяками (В.С. Флеров, В.И. Мельник), но памятники Окско-Сурского междуречья остались за пределами внимания этих разработок. В связи со слабой изученностью ритуально разрушенных захоронений в настоящий момент назрела необходимость классификации этих погребений и интерпретации мировоззрения, связанного с выполнением этих обрядов.

Поэтому **целью** работы является исследование погребений с разрушенными костяками, которое позволяет расширить представления о традициях, верованиях, материальной и духовной жизни древнего населения Окско-Сурского региона.

Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

- 1) Анализ истории изучения средневековых могильников, содержащих разрушенные погребения и эволюции взглядов на их трактовку;
- 2) Систематизация и корреляция в динамике развития основных групп погребений с разрушенными костяками;
- 3) Интерпретация семантики погребального обряда, связанного с разрушением захоронения.

В **хронологическом плане** исследуется период с III по XIV вв., что позволяет проследить эволюцию погребального обряда с момента формирования устойчивых элементов погребального обряда мордвы до времени их окончательного складывания (после XIV в. значительных изменений в погребальном обряде не фиксируется). Таким образом, охвачен период с момента генезиса и фиксации обряда разрушения захоронения до окончательного его формирования.

В **территориальном плане** исследование охватывает район Окско-Сурского междуречья с востока на запад и от Волги на севере до реки Узы на юге, где сосредоточены в основном памятники мордвы, что и обусловило выбор территории. В географическом отношении это лесостепная зона с умеренно-континентальным климатом. Природные условия благоприятны для земледелия, скотоводства, охоты, рыболовства. Наличие больших рек (Ока, Сура, Мокша) позволяло использовать их в качестве торговых путей.

Регион находился между славянским и тюркским мирами, был заселен финскими племенами. В средние века область Окско-Сурского междуречья располагалась между Русью, где основным погребальным обрядом было трупосожжение и Волжской Булгарией, где в этот период распространился мусульманский способ захоронения по обряду трупо-

положения, и Хазарским каганатом, в погребальных традициях которого в I тыс. н.э. как раз и наблюдался обряд ритуального разрушения погребений. Все это оказало влияние на содержание и формирование погребальных обрядов финно-угорского населения, проживающего в этом крае.

Источниковой базой этого исследования являются результаты археологических исследований, отраженные в отчетах, хранящихся в архивах Института археологии РАН, Пензенского объединенного краеведческого музея, учебных учреждений г. Пензы, Саранска, Казани, а также результаты собственных полевых исследований.

При изучении археологических источников привлечены материалы 52 могильников, в которых выделено 551 погребение с разрушенными костяками, что позволяет получить вполне достоверные данные о процессах, происходивших в истории Окско-Сурского междуречья в эпоху средневековья.

Помимо этого, использовались также данные средневековых письменных источников и результаты этнографических исследований по духовной культуре народов Восточной Европы.

Методология исследования. Теоретическую и методологическую основу диссертационного исследования составляют принципы научности, историзма, объективности и системности в изучении проблем погребального обряда, а также диалектические принципы всеобщей связи явлений и процессов и динамика их развития.

Исходя из этого, в работе использовались такие **методы исследования**, как формализация исходных данных, типологический метод, метод подбора аналогий, картографический, а также статистический метод (метод выделения серий погребений с одинаковым или близким набором признаков), анализа и синтеза. В работе использовались методики изучения погребальных обрядов, разработанные В.Ф. Генингом, Г.Ф. Никитиной, Ю.А. Зеленевым.

Научная новизна работы состоит в первом специальном обращении к разрушенным погребениям как к предмету изучения, введению новых данных в научный оборот, обобщению знаний о них и привлечению к решению различных проблем истории данного региона. Впервые в научный оборот вводятся материалы, которые позволяют значительно уточнить существующие взгляды на погребальный обряд.

Практическое значение. Материалы диссертации могут быть использованы для исследования финно-угорской археологии периода средневековья. Возможно использование материалов в учебной работе преподавателей археологии исторических факультетов высших учебных заведений, а также в музейно-экспозиционной деятельности.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены на Урало-Поволжской археологической студенческой конференции (г. Самара, 1999 г.; г. Пенза, 2004; г. Челябинск, 2005; Астрахань, 2006), на VIII Ключевских чтениях в Пензенском государственном педагогическом университете имени В.Г.Белинского (1999 г.), на Всероссийских научных конференциях в г. Саранске и г. Саратове (2000 г.), на III Международной археологической конференции (г. Самара, 2001 г.), на Лебедевских чтениях в Пензенском государственном педагогическом университете имени В.Г. Белинского (2001 г.; 2004 г.), на конференции, посвященной советскому археологу А.Е.Алиховой (2003 г.).

Структура работы. Определяется логикой исследования и соответствует поставленным задачам. Диссертация состоит из введения, двух глав, списка источников, литературы и приложения. Каждая глава подразделяется на параграфы. Приложение включает статистические таблицы и рисунки.

Основное содержание работы.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, хронологические и территориальные рамки, формулируются цель и задачи работы, указывается источниковая база, методы исследования, научная новизна диссертации, апробация ее основных положений.

Глава I. «История изучения погребальных обрядов населения Окско-Сурского междуречья» состоит из двух параграфов.

§ 1. Достижения отечественной археологии в области изучения погребального обряда населения Окско-Сурского междуречья. Погребальный обряд формируется в каждой этнической группе на определенной стадии развития не только социально-экономических отношений, но и религиозного мировоззрения.

Первые сообщения о местонахождении древних финно-угорских памятников стали появляться только во второй половине XIX в.: Лядинский, Томниковский, Терюшевский могильники (1869-1871 гг.). Раскопки велись краеведами-любителями. И только в конце XIX – начале XX вв. создаются фольклорные, этнографические и научные археологические экспедиции по изучению памятников старины. Исследуются Ефаевский, Зубаревский, Пичпандинский и другие могильники. Материалы раскопок систематизируются, производится их сопоставление с письменными и этнографическими источниками. В период с 1869 г. по 1914 г. происходит становление и развитие археологии как науки, разрабатываются методы ведения раскопок, описания обработки материалов и делаются первые научные выводы.

После длительного перерыва раскопки археологических памятников в регионе возобновились лишь в середине 20-х гг. XX в. Благодаря таким ученым, как П.С. Рыков, Б.М. Соколов, А.А. Гераклитов, одним из крупных научных центров Поволжья по изучению истории региона стал г. Саратов. Велись крупномасштабные исследования комплексной экспедицией Московского государственного университета. С 1930 г. начал свою работу Мордовский научно-исследовательский институт под руководством А.Е. Алиховой и Е.И. Горюновой. В этот период были открыты Барабашинский, Старосотенский и другие могильники, продолжена разработка ранее обнаруженных захоронений. Печатались научные статьи, книги, отчеты, составлена хронологическая классификация материала.

В послевоенные годы возобновлены раскопки средневековых памятников Окско-Сурского междуречья. Начиная с 1952 г. М.Р. Полесских изучил целый ряд пензенских могильников: Шемышейский, Тезиковский, Армиевский, Селиксенский, Селикса-Трофимовский. Была дана периодизация пензенской группы мордовских памятников. В 60-х гг. прошлого века проводились научные сессии, которые подвели итоги проделанной работы и наметили основные направления по дальнейшему изучению истории, археологии и этнографии региона.

В 1970-80-е гг. работы по изучению мордовских захоронений продолжались в большем объеме квалифицированными научными работниками. В это время открыты новые могильники, такие как Старокадомский (VI-VII вв.), Журавкинский II (IV-X вв.), Старобадиковский (VII-XIV вв.), Абрамовский (VI-VIII вв.) и другие. Анализ этих могильников дал много информативного материала, важного для изучения сложных этнокультурных процессов племен, проживавших в Окско-Сурском регионе.

В 90-х гг. прошлого столетия археологические изыскания, по сравнению с предшествующим периодом, были заметно сокращены. Но к настоящему времени происходит увеличение объема раскопок и интенсификация изучения материальной культуры.

Таким образом, к данному моменту, благодаря широкому охвату в изучении средневековых памятников Окско-Сурского междуречья создана серьезная база для исследования погребального обряда на средневековых могильниках.

§ 2. Изучение разрушенных захоронений в средневековых могильниках. В могильниках Окско-Сурского междуречья в большом количестве встречаются разрушенные захоронения, которые считались ограбленными и исключались из массива погребений и специальных исследований.

В начале 50-х гг. XX в. М.Р. Полесских отметил наличие погребений с преднамеренно разрушенными и сложенными в кучу костями. Он отнес их к вторичным захоронениям. Данные погребения были обнаружены им в Армиевском I, Селикса-Трофимовском, Селиксенком, Тезиковском могильниках. Присутствие погребений с обрядом вторичного захоронения было отмечено Р.Ф. Ворониной при исследовании Иваньковского могильника, А.Х. Халиковым при раскопках Армиевского курганно-грунтового могильника, И.М. Петербургским, Т.В. Аксеновой, В.В. Гришаковым, В.И. Первушкиным при раскопках в 1987 и 1990 гг. Стародевиченского могильника.

Обряду вторичного захоронения посвящен ряд теоретических работ. В статьях Н.Ю. Кузьмина даются исчерпывающие доказательства существования традиции ритуального разрушения покойных. О.В. Зайцева и Д.И. Ражев выделяют два типа вторичных захоронений: как полностью, так и частично эскарнированные останки. Первый тип погребения авторы относят к вторичным захоронениям, второй тип – противоречит традициям и религиозным взглядам, связанным с этим обрядом, поэтому, скорее всего, это обряд обезвреживания. Р.Ф. Воронина отмечает, что обряд обезвреживания объясняется большим страхом перед умершими и стремлением уберечься от их влияния.

Кроме Р.Ф. Ворониной обряд обезвреживания у населения Окско-Сурского междуречья отмечали в своих работах К.Ю. Моржерин при исследовании Комаровского могильника и В.В. Гришаков при анализе материалов Шемышейского и Ражкинского могильников.

Этот обряд был широко распространен на территории Восточной Европы: в салтово-маяцкой культуре (Дмитриевский, Маяцкий могильники), в могильниках новинковского типа на Самарской Луке. При исследовании Аверинского I могильника родановской культуры Р.Д. Голдина предположила наличие обряда ритуального разрушения.

Наиболее подробными являются работы В.С. Флерова, который не только проанализировал ритуально разрушенные погребения в могильниках салтово-маяцкой культуры, но и выделил аналоги этому обряду в захоронениях других культур.

Благодаря исследованиям этих авторов были выделены основные признаки и поднят вопрос об интерпретации разрушенных захоронений. Однако интерпретировать такие захоронения довольно сложно, так как зачастую погребения с одинаковыми признаками авторы называют то вторичными (Полесских М.Р., Халиков А.Х., Краснов Ю.А. и др.), то обезвреженными (Гришаков В.В., Матвеева Г.И.) или вообще применяют другую терминологию (Флеров В.С.). Такие расхождения в интерпретации разрушенных погребений в первую очередь связаны со слабой изученностью данной проблемы и отсутствием комплексных исследований на могильниках Окско-Сурского междуречья. В то же время по-

добная работа проделана на памятниках в других регионах, что позволяет использовать опыт этих исследований при изучении средневековых могильников Окско-Сурского междуречья.

Глава II. «Погребальный обряд разрушенных захоронений в могильниках Окско-Сурского междуречья» состоит из трех параграфов. В связи с тем, что средневековые погребения с разрушенными костяками могильников Окско-Сурского междуречья не получили должного изучения и никогда специально не рассматривались в научной литературе, то в данной работе пришлось опираться на те методы, которые были разработаны для погребений, совершенных по другим обрядам захоронения. К таким методам относятся: анализ исходных данных, типологический метод, метод подбора аналогий, статистический метод.

Эти методы успешно использовались при изучении погребальных обрядов мордвы и достаточно подробно рассматривались в работах В.Ф. Генинга, Е.П. Бунятыя, С.Ж. Пустовалова, Н.А. Рычкова (1990), Г.Ф. Никитиной (1985), Ю.А. Зеленева (1987, 1994), О.В. Букиной (1999).

Опираясь на вышеназванные работы, для характеристики разрушенных захоронений был выделен ряд признаков, которые помогли систематизировать эти погребения. Все данные по этим признакам заносились в таблицы, которые позволили достаточно наглядно проанализировать разрушенные захоронения и выделить два вида таких погребений: вторичные и обезвреженные захоронения. Кроме того, в отдельную категорию вошли захоронения, которые по ряду причин невозможно было отнести к тому или иному виду разрушенных захоронений (например, в силу очень плохой сохранности костей). Такие погребения в работе будут именоваться неопределенными разрушенными захоронениями.

Для выделения локальных особенностей обрядов все могильники были нами разделены на 7 групп по территориальному признаку: Верхнесурскую, Примокшанскую, Цнинскую, Тешскую, Нижнесурскую, Алатырскую, Поволжскую.

§ 1. Основные черты и динамика развития обряда вторичного захоронения. В археологической науке под обрядом вторичного захоронения некоторые авторы подразумевали погребение не трупа, а костей, очищенных от соединительных тканей.

Содержание этого обряда состоит в том, что кости умершего перед захоронением очищались каким-либо путем (естественным или механическим), а затем уже погребались в яму. Вероятней всего, практиковался обряд первоначального положения трупа на каком-то помосте для естественного очищения, а затем кости вместе с инвентарем укладывались в могилу. Поэтому кости попадали в могильную яму в сильно перемешанном состоянии, а

некоторые из них вообще не попадали вследствие разрушения от долгого пребывания на открытом воздухе или их сознательно выбрасывали из могильной ямы.

Разрабатывая типологию мордовского погребального обряда, В.И. Первушкин отнес к обряду вторичного захоронения те погребения, в которых кости погребенных находятся компактными кучками на дне могилы. На этот же фактор при определении обряда вторичного захоронения указывал М.Р. Полесских при исследовании Селикса-Трофимовского могильника. Р.Ф. Воронина отнесла к обряду вторичного захоронения не только погребения, где кости были сложены кучами на дне могилы, но и захоронение одних черепов.

Таким образом, под обрядом вторичного захоронения следует понимать погребения, где кости находились в сильно перемешанном состоянии на дне могильной ямы. Как правило, их складывали в отдельные кучки, но в некоторых случаях кости могли просто сыпаться на дно, и тогда они лежали в беспорядке. Однако при этом и кости и инвентарь в таких захоронениях должны были находить на одном уровне. Этот же признак в своей работе выделяли О.В. Зайцева и И.Д. Ражев при характеристике вторичных захоронений. Поэтому эти критерии стали для нас основными при отборе данных, характеризующих обряд вторичного захоронения.

Данные о наличии погребений, совершенных по обряду вторичного захоронения, присутствуют лишь в некоторых публикациях и отчетах полевых исследований могильников, где этот обряд наблюдается: Армиевском I, Селикса-Трофимовском, Селиксенском, Старобадиковском, Иваньковском, Стародевическом, Армиевском курганно-грунтовым могильниках. В основной же массе источников подобные захоронения относят к разграбленным, нарушенным вследствие деятельности грызунов или просто разрушенным. Поэтому, кроме фиксации присутствия таких захоронений на могильнике, других выводов не делалось. Однако, этот погребальный обряд составляет 24,3 % (134 п.) из рассмотренных нами разрушенных погребений могильников Окско-Сурского региона.

Обряд вторичного захоронения на территории Окско-Сурского междуречья появился в III-IV вв. в Посурье в погребениях Шемышейского могильника, в эпоху начала Великого переселения народов. На этом этапе для него были характерны следующие черты: захоронения в грунтовых ямах, ориентированных по линии С-Ю (как и в мордовских погребениях последующих периодов) без каких-либо внутримогильных конструкций. В некоторых погребениях на дно клалась подстилка из луба. В целом по своим параметрам могильные ямы вторичных захоронений ничем не отличались от погребений, совершенных по обряду труположения. Уже в это время в Посурье встречались как одиночные, так и парные вторичные захоронения. По данному обряду хоронили и мужчин, и женщин.

Кости во всех захоронениях либо располагались компактными кучками, либо были разбросаны по дну могильной ямы.

Инвентарь во вторичных захоронениях, как правило, находился среди перемешанных человеческих костей. По своему составу он ничем не отличался от погребений, совершенных по другим обрядам. Это свидетельствует о том, что по обряду вторичного захоронения погребались местные жители.

Также надо заметить, что в обряде вторичного захоронения большую роль играла поминальная тризна, так как в засыпке и на дне могильной ямы присутствовали кости животных и керамика.

В IV-V вв. обряд вторичного захоронения кроме Посурья появляется и на территории Примокшанья.

В Посурье такие погребения зафиксированы в Степановском (Пензенском) и Селикса-Трофимовском могильниках. Количество вторичных захоронений в этот период резко возрастает. Как и на предыдущем этапе, эти захоронения совершались в простых грунтовых ямах преимущественно прямоугольной формы, ориентированных по линии С-Ю. Внутримогильные конструкции отсутствовали во всех вторичных погребениях. Как в III-IV вв., среди вторичных захоронений есть и мужские, и женские погребения. Именно в данный период появляются и детские погребения, а также захоронения одних черепов в небольших ямках. Кости во вторичных погребениях раскладывали в основном компактными кучками, и лишь в нескольких случаях разбрасывали по всему дну могильной ямы. Причем, как правило, на дне ям кости рук и ног старались разложить отдельно.

Погребальный инвентарь по своему составу остается таким же, как и в погребениях с труположениями. Однако если раньше он находился среди перемешанных костей, то теперь встречаются захоронения, где инвентарь складывали кучками отдельно от костей. Кроме того, в некоторых погребениях предметы одежды и быта старались разложить в порядке ношения, тем самым, воссоздавая обряд труположения. Также по-прежнему во время похорон совершалась поминальная тризна.

В Примокшанье в IV-V вв. обряд вторичного захоронения только начал зарождаться. Об этом свидетельствует небольшое количество таких погребений Тезиковского могильника. Здесь данные захоронения совершались в простых ямах, ориентированных как по линии С-Ю, так и по линии В-З. В отличие от Посурья в некоторых вторичных захоронениях Примокшанья были найдены внутримогильные конструкции в виде ямок на дне могильной ямы. А вот подстилка в этих погребениях наоборот отсутствовала. Как и в Посурье, по обряду вторичного захоронения на данной территории преимущественно хоронили мужчин. Кроме того, и здесь встречены погребения черепов. Но в отличие от преды-

дущей группы могильная яма в этих захоронениях имела большие размеры (как для трупоположения). Кости в большинстве погребений с обрядом вторичного захоронения были разбросаны по дну могильной ямы и лишь в одном погребении сложены компактной кучкой.

Инвентарь в погребениях также по своему составу не отличался от погребений с обрядом трупоположения. Располагался он либо компактными кучками, либо был разбросан по всему дну могильной ямы. В нескольких погребениях украшения, орудия труда, детали одежды лежали в порядке ношения. О наличии поминальной тризны свидетельствуют фрагменты керамики и кости животных в засыпке и на дне погребений. Также в захоронениях встречался уголь, что говорит о наличии погребального костра в обряде.

На следующем этапе, в VI-VII вв., обряд вторичного захоронения в Примокшанье исчезает. Скорее всего, это было связано не с полным отказом от данного обряда, а с исчезновением населения, практикующего вторичные захоронения. Он продолжает существовать в Посурье и появляется на реке Цне (Серповский могильник).

В Посурье после резкого всплеска количество вторичных захоронений уменьшается. Это было связано с тем, что прекращают свое существование Степановский (Пензенский) и Селикса-Трофимовский могильники, где этот обряд присутствовал и широко практиковался. Зато он появляется в Армиевском I могильнике, который функционировал как раз в VI-VII вв. По своим параметрам могильные ямы вторичных захоронений существенных отличий в этот период не претерпели. Единственное, что надо отметить, это наличие в некоторых погребениях внутримогильных конструкций в виде уступок на дне захоронений, куда и были сложены кости покойного. Также в одном из погребений в могильной яме был найден древесный тлен. Эти черты погребального обряда были широко распространены у тюрок, однако у них не практиковался обряд вторичного захоронения. По обряду вторичного погребения в этот период хоронили как мужчин, так и женщин. Кости раскладывали кучками на дне погребений.

Инвентарь в погребениях находился либо среди перемешанных костей, либо его пытались разложить в порядке ношения. Интересен тот факт, что из всего оружия, найденного в данных захоронениях: копья, кинжалы и конское снаряжение – находились только в женских погребениях (женщины-всадницы). В мужских погребениях были найдены лишь стрелы.

В захоронениях Цнинской группы в отличие от предыдущих групп по обряду вторичного погребения в этот период хоронили женщин и детей. Мужских вторичных погребений в этой группе в VI-VII вв. не найдено. Кости в погребениях преимущественно раз-

брасывали по всему дну могильной ямы, лишь в одном случае они были сложены компактной кучкой в северной части могилы.

Инвентарь в этой группе представлял собой традиционный набор вещей, клавшихся в погребения с труположениями. Однако в отличие от предыдущей группы здесь он был либо разбросан по всему дну могилы, либо находился под костями покойного. В порядке ношения в погребениях Цнинской группы инвентарь не клали.

Вторичные захоронения этой группы по своим признакам полностью соответствовали погребениям III-IV вв. на территории Посурья.

В VIII в. обряд вторичного захоронения на территории Окско-Сурского междуречья практически прекращает свое существование и присутствует только в одном погребении Пановского могильника Цнинской группы. Надо сказать, что это довольно интересное захоронение. В нем встречен целый костяк лошади, а кости человека были сложены компактной кучкой возле конского черепа. Скорее всего, в данном случае местные традиции тесно переплелись с погребальными обрядами муромы или салтовцев, у которых бытовал обычай хоронить коней.

В IX-XI вв. обряд вторичного захоронения вновь появляется в Посурье, причем в данный период он претерпевает достаточно большие изменения, что связано с приходом какого-то нового населения, возможно, буртас. Погребения Армиевского курганно-грунтового могильника совершаются преимущественно в ямах прямоугольной формы, ориентированных теперь по линии В-З. Только несколько захоронений имеют прежнюю традиционную ориентировку по линии С-Ю. Внутри могильных ям присутствуют конструкции в виде заплечиков и уступов. Также в погребениях с обрядом вторичного захоронения теперь встречаются плахи и остатки гробовищ, чего ранее не наблюдалось. Из-за того, что кости были очень сильно перемешаны, определить пол покойных не удалось, однако, совершенно очевидно, что по обряду вторичного погребения совершались как одиночные, так и парные захоронения. Кости в погребениях либо были разбросаны по всему дну могильной ямы, либо складывались компактными кучками.

Инвентарь в захоронениях либо складывался компактными кучками, либо разбрасывался по всему дну. Погребений, в которых инвентарь был бы разложен в порядке ношения, встречено не было. Практически во всех погребениях найдены фрагменты керамики, уголь и кости животных на дне и в засыпке могильной ямы.

В следующий период, с XI по XIII вв., погребения с обрядом вторичного захоронения на территории Посурья исчезают. Это связано в первую очередь с исчезновением могильников на данной территории в этот период. Такая же картина наблюдается и на реке Цне. Однако такие погребения появляются на реке Теше в могильниках Заречное II, стек-

сово II и Красное I, где вторичные захоронения имеют те же черты, что и на других территориях в предыдущее время.

И, наконец, в XIII-XIV вв. обряд вторичного захоронения вновь появляется в погребениях Примокшанской группы (Паньжинский и Беднодемьяновский могильники) и на новой территории, в Поволжской группе (Комаровский и Аткарский могильники).

В Примокшанье в обряде вторичного захоронения никаких новых черт не появилось. Погребения были совершены в простых грунтовых ямах, кости либо складывали компактными кучками, либо разбрасывали по всему дну могильной ямы. Исключение составляет лишь одно погребение Паньжинского могильника, где было захоронено сразу два черепа. Инвентарь в погребениях также был либо разбросан по всему дну могильной ямы, либо находился среди перемешанных костей.

В Поволжской группе появляется вторичное захоронение с необычным расположением костей: в Аткарском могильнике было обнаружено детское захоронение, где кости покойного были сложены в черепную коробку. Такого способа захоронения костей до этого не было. В остальном данное захоронение по своим параметрам ничем не отличалось от других погребений с обрядом вторичного захоронения.

Таким образом, из всего выше сказанного видно, что обряд вторичного захоронения на территории Окско-Сурского междуречья существовал с III по XIV вв., но при этом не был широко распространенным явлением у населения данного региона.

Наибольшее применение этот обряд получил на территории Посурья, где он существовал с III по VII вв. Затем на данной территории этот обряд исчезает и появляется вновь в IX-XI вв. В распространении вторичных захоронений на территории Примокшанья также можно выделить два этапа: с IV по V вв. и с XIII по XIV вв. В других районах Окско-Сурского междуречья обряд вторичного захоронения широкого распространения не получил и встречался лишь в единичных погребениях.

Надо отметить, что наряду с мордвой обряд вторичного захоронения был известен и у других представителей финно-угорского населения. Так в V-XI вв. этот обряд присутствовал в захоронениях муромы (Кочкинский, Безводинский, Малышевский могильники), в VI-XII вв. у марийцев (Младший Ахмыловский, Черемисский, Дубовский могильники), в VI-VIII вв. на территории Урала и Западной Сибири в памятниках молчановского типа (Перейминский могильник), макушинского типа (Макушенский могильник), релкинской культуры (могильник Релка).

Однако определить причины возникновения этого обряда достаточно трудно. По версии А.Х. Халикова этот обряд на территорию Окско-Сурского междуречья пришел из

районов Средней Азии и связан он был с зороастрийской религией, для которой характерно захоронение очищенных и расчлененных костей.

По зороастризму особое место в поведении человека занимало отношение к огню, воде, земле. Эти стихии считались священными, и человек должен был соблюдать их чистоту. Смерть согласно зороастризму есть зло. Поэтому когда человек умирал, его труп становился выражением злого начала, был осквернен смертью. Чтобы не осквернить землю труп помещали на специальную погребальную площадку (дахму). Под действием окружающей среды кости полностью очищались, тогда их собирали и складывали в костехранилища (астодану, оссуарии и т.д.). Известно, что в Средней Азии, в частности, в Маргиане, Северной Бактрии, в Согде и Хорезме этот обряд широко практиковался на рубеже нашей эры.

Вполне возможно, что со страхом осквернения земли нечистым трупом были связаны и представления мордвы о захоронении на деревьях, помостах и т.д. Известно, что на территории Окско-Сурского региона погребальные памятники распределялись весьма неравномерно. Может быть, отсутствие могильников рядом с городищами и селищами как раз и свидетельствовали о наличии надземных погребений. Этнографические источники косвенно подтверждают такой вид захоронений у населения Окско-Сурского междуречья.

Известный этнограф Д.К. Зеленин, изучая традиции и обряды славян, отмечал, что у них существовал обычай «выбрасывания трупа в какое-либо пустынное место». По этому обычаю людей, умерших насильственной смертью, в молодом возрасте, называли «заложными». Их не закапывали, а оставляли на земле, прикрыв сучьями. Как считает Д.К. Зеленин, таким образом восточные славяне стремились избежать осквернения земли нечистым трупом. Однако такого рода захоронения нечистых трупов, граничащие с полным отсутствием захоронения, по их мнению, имело скверные последствия. Покойники, лишенные обычного погребения, могли мстить живым, поэтому в дальнейшем такого покойного могли и захоронить. Именно такой же обряд существовал у зороастрийцев. Возможно, что и у мордвы покойных хоронили не в земле по той же причине.

Используя сведения Д.К. Зеленина, можно предположить, что таким видам захоронений у мордвы подвергались лишь отдельные категории лиц, например, самоубийцы, враги, преступники, наказанные за убийство. Именно такую картину наблюдал Ибн-Фадлан, путешествуя по Поволжью: «И если (один) человек (муж) из их среды убьет (другого) человека (мужа) намеренно, то казнят его за него (за убитого), а если убьет нечаянно, то делают для него ящик из дерева (материала) халанга (белого тополя), кладут его внутрь его, заколачивают его (гвоздями) над ним и кладут вместе с ним три лепешки и кружку с водой. Они ставят для него три куска дерева наподобие дышла (от плуга), под-

вешивают его между ними... И он остается подвешенным, пока не износит его время и не развеют его ветры».

Постепенно таких покойников все же стали хоронить в земле. Поэтому возможно, что обряд вторичного захоронения стал переходной формой от наземного обряда захоронения умерших к захоронениям в землю. Именно этой версии при изучении вторичных захоронений марийцев придерживается Т.Б. Никитина.

Несколько иной версии возникновения обряда вторичного захоронения придерживается В.И. Первушкин. При изучении погребальных обрядов мордвы-мокши он предположил, что вторичные захоронения возникли в результате отсутствия наземных сооружений на могильниках или совместным захоронением родственников. Анализ таких погребений позволил отвергнуть эту версию, так как в основной массе все вторичные захоронения одиночные, а погребальные ямы не перекрывали друг друга.

Еще одну версию возникновения обряда вторичного захоронения выдвинул Н.Ю. Кузьмин. Опираясь на свидетельства других авторов, он привел версию, что у некоторых народностей существуют особые представления о связи физического состояния трупа со «степенью» смерти человека. «Разложение плоти покойника является одновременно тем, что логическое мышление определило бы как знак, как условие, как причину и даже как вторую стадию смерти. Когда разложение закончено, то законченной, завершённой является и смерть, то есть окончательно разрывается связь между личностью и ее общественной группой». Именно такое мировоззрение существовало у народов Юго-Восточной Азии.

Однако это исследование подтверждает правоту взглядов Д.К. Зеленина и свидетельствует о глубоких местных корнях обряда вторичного захоронения.

§2. Распространение обряда обезвреживания в могильниках Окско-Сурского междуречья. Обряд обезвреживания погребенных – это система различных действий, направленных на разграничение мира живых и мира мертвых.

К данному погребальному обряду было отнесено 25,9 % (142) погребений. Эти захоронения подвергались различной степени разрушения: от смещения некоторых костей в погребении до полного разрушения костяка. Против обряда вторичного захоронения в этих погребениях говорит тот факт, что некоторые кости все же находились *in situ*. Кроме того, в заполнении могильной ямы иногда можно было встретить погребальный инвентарь и фрагменты костей, что возможно было при таком обряде, так как могилы вскрывались повторно.

Чтобы отвергнуть распространенную точку зрения об ограблении всех этих захоронений, следует привести несколько факторов, которые могут свидетельствовать в пользу обезвреженных захоронений:

- во-первых, наличие инвентаря во многих захоронениях;
- во-вторых, массовое разрушение погребений в пределах одного могильника, при этом все могилы после «ограбления» оказывались вновь закопанными;
- в-третьих, поразительная осведомленность «грабителей» о погребенных в могилах. Так, например, в погребениях могильника Заречное II женские погребения разрушались в области головы и груди, а мужские в области пояса. При этом погребения коней этого могильника оставались нетронутыми, что также подтверждает вывод о том, что тут практиковался ритуал обезвреживания.

Кроме того, сам факт ограбления погребений в древности говорит уже о невозможности подобного рода действий, так как в ту пору к могилам сородичей относились с трепетом, их оберегали от возможных врагов и злых духов.

В силу выше приведенных фактов можно говорить о существовании обряда обезвреживания у населения Окско-Сурского междуречья.

Этот обряд был зафиксирован в Верхнесурской, Примокшанской, Тешской, Поволжской и Нижнесурской группах. Отсутствует этот обряд в Алатырской и Цнинской группах.

Впервые обряд обезвреживания появился на территории Примокшанья в III – IV вв. в погребениях Ражкинского могильника. Скорее всего в это же время он присутствовал и в Посурье. Однако точных данных об этом факте нет, так как обезвреженные погребения были отмечены лишь в Селиксенком могильнике, временные рамки которого очень широки – III-VII вв., поэтому сказать точно, к какому веку относятся обезвреженные захоронения данного могильника, нельзя.

В этот период для погребений с обрядом обезвреживания в Примокшанье были характерны следующие черты. Захоронения совершались в простых прямоугольных могильных ямах, ориентированных по линии С-Ю, без каких-либо внутримогильных конструкций. Размеры погребения и состав инвентаря ничем не отличались от захоронений с обрядом труположения. Это свидетельствует о том, что обычай обезвреживать погребенного возник в результате каких-то местных религиозных традиций, а не пришедших откуда-то извне. Особенностью погребений с обрядом обезвреживания на этом этапе стало разрушение костей покойного в области грудной клетки, а также черепа.

На следующем этапе, в IV-V вв., обряд обезвреживания, кроме территории Примокшанья, появляется еще и в Посурье в погребениях Селикса-Трофимовского могильника.

В Примокшанье погребения с обрядом обезвреживания зафиксированы в Тезиковском могильнике. Они имели теперь яму овальной формы с отвесными стенками. Покойных клали головой либо на З, либо на В. Ритуальное обезвреживание совершали как над мужчинами, так и над женщинами. Кроме того, разрушению теперь подвергались не только грудная клетка и череп, но еще ноги и руки покойного. Инвентарь в погребениях с обрядом обезвреживания по-прежнему ничем не отличается от инвентаря в других захоронениях.

В Посурье обезвреженные погребения также совершались в овальных ямах с сужающимися ко дну стенками, ориентированных по линии СВ-ЮЗ и ЮВ-СЗ. Внутримогильные конструкции в этих погребениях отсутствовали. На дне некоторых погребений встречалась подстилка из луба. Покойных клали головой на СВ. Как и в Примокшанье, ритуальному разрушению подвергались мужчины и женщины, причем способ обезвреживания был таким же: покойных обезвреживали в области головы, грудной клетки и конечностей. Инвентарь в обезвреженных захоронениях по своему составу не отличался от погребений, совершенных по обряду труположения, и располагался в порядке ношения.

В V-VII вв. на территории Примокшанья данный обряд исчезает. Зато он появляется в Ивановском могильнике (Нижнесурская группа), датированном V-VIII вв. В целом надо сказать, что по способу захоронения и инвентарю обезвреженные захоронения этого могильника ничем не отличались от обезвреженных погребений IV-V вв. Единственной отличительной чертой обряда обезвреживания Ивановского могильника стало то, что здесь кости при разрушении не изымались, а только перемешивались. Также во время ритуала захоронения использовали огонь, чего не наблюдалось ранее.

В конце VIII в. обряд обезвреживания вновь появился на территории Примокшанья (могильник Красный Восток) и до X в. существовал только на этой территории. Главной отличительной чертой этого этапа стало то, что ритуальному обезвреживанию теперь подвергаются и парные захоронения, при этом разрушался только костяк взрослого человека, костяк ребенка остается нетронутым. Несколько изменился и способ обезвреживания. Если раньше разрушалась грудная клетка, череп, кости рук и ног, то теперь у покойных отсекают и перемешивают только кости конечностей. Грудная клетка и череп остаются нетронутыми. Еще одним отличием стало то, что в погребениях с обрядом обезвреживания покойных стали класть головой на юг, а раньше клали головой на север.

В XI в. данный вид погребений появляется не только в Примокшанье, в погребениях могильника Татарская Лака II, но и на реке Теша, в могильниках Погиблово, Заречное II, Выползово II, VI, Пятницы VII, Личадеево V, Стексово II, Красное I.

В Примокшанье обряд обезвреживания в этот период получает достаточно широкое распространение. При этом встречаются как одиночные, так и парные захоронения, ориентированные преимущественно головой на юг. По своим параметрам могильные ямы в этот период существенных отличий не имеют, хотя в некоторых захоронениях появляются уступы на дне. Также в погребениях с обрядом обезвреживания присутствует подстилка из луба и дерева.

Главной отличительной чертой является то, что в XI в. в Примокшанье стали появляться детские обезвреженные захоронения. Расширились и способы разрушения: если раньше покойных обезвреживали в области головы, груди, рук и ног, то теперь встречаются полностью разрушенные захоронения. Причем кости как перемешивались, так и изымались из могильной ямы. Также необходимо отметить, что по составу инвентаря данных погребений по-прежнему не отличается от захоронений, совершенных по другим обрядам.

Но наиболее широкое распространение обряд обезвреживания в это время получил в Тешской группе. Погребения с ритуальным обезвреживанием на этой территории были совершены в прямоугольных ямах, ориентированных по линии С-Ю с небольшими отклонениями. Внутримогильные конструкции во всех погребениях отсутствовали. Размеры ям обезвреженных захоронений не отличались от других типов захоронений на могильнике. Обезвреживанию подвергались преимущественно мужчины, детских захоронений вообще не обнаружено.

Также в Тешской группе можно выделить большое количество способов обезвреживания: от разрушения грудной клетки и черепа до полного разрушения костяка. Однако преобладают погребения, где разрушены череп, грудная клетка и таз, и наоборот, резко сокращается разрушение костей рук и ног. Меняется и ориентировка обезвреженных погребенных. Если раньше хоронили преимущественно головой на юг, то теперь головой на север. Впрочем, это характерно для всех погребений данной территории.

Инвентарь, как и в предыдущие периоды, по составу не отличается от других погребений. Однако в мужских обезвреженных захоронениях присутствуют женские вещи (височные кольца). Кроме того, в этой группе найдены ритуально обезвреженные ножи и серпы, что, безусловно, является новой чертой обряда обезвреживания. Располагался инвентарь в большинстве погребений в порядке ношения. Также практически во всех захоронениях найдена керамика, угли, кости животных, что говорит о наличии поминальной

тризны и погребального костра в обряде захоронения. Это стало новой чертой данного обряда.

И, наконец, в XIV в. обряд обезвреживания из Примокшанской и Тешской групп перемещается на территорию Поволжской группы. Такие погребения присутствовали в Комаровском и Муранском могильниках. Здесь обезвреженные захоронения совершались в грунтовых могилах преимущественно прямоугольной формы, ориентированных по линии С-Ю с небольшими отклонениями. Иногда в погребениях встречались остатки гробовищ, чего раньше не было. Обезвреживанию в могильниках данной группы подвергались и мужчины, и женщины, и дети. Исключение составляет парное захоронение, где ребенок не был обезврежен. Погребенные были ориентированы головой как на юг, так и на север. Способы обезвреживания, встреченные здесь, характерны для домонгольского времени Тешской группы: разрушение в области головы, груди и таза.

Инвентарь, как и в предыдущие периоды, по составу не отличался других погребений. Надо лишь заметить, что здесь, как и в Тешской группе, были найдены ритуально обезвреженные серпы.

В целом об обряде обезвреживания в Окско-Сурском междуречье можно сказать следующее. Первоначально он появляется на территории Примокшанья, где и существует вплоть до XIII в. При этом можно предположить, что носителем этого обряда была небольшая группа населения, так как обряд обезвреживания последовательно переходил с одного могильника на другой. Отличительной чертой этого обряда в Примокшанье стало разрушение либо отдельных частей костяка, либо целиком.

В XI в. данный обряд появляется на Теше, где приобрел значительный размах и просуществовал вплоть до XIII в. Основным способом обезвреживания в этой группе стало разрушение головы, грудной клетки, таза, и распространение этого обряда на вещи.

После монгольского нашествия в расселении мордвы произошли некоторые изменения. Многие могильники прекратили свое существование. В то же время они появились на новых территориях. Так на территории Поволжской группы появляются могильники с обрядом обезвреживания, имевшие, вероятно, истоки в Тешской группе. Соответственно на Теше и на Мокше в золотоордынское время данный обряд не фиксируется. Также этот обряд практически не встречался на протяжении всего средневековья и в Верхнем Посурье. Все это может свидетельствовать о том, что обряд обезвреживания не был широко распространен в регионе и связан с жизнью небольшой группы населения.

Наибольший всплеск этого погребального обряда на территории Окско-Сурского междуречья приходится в основном на VIII-XIII вв. (88 %), в могильниках же III-V и XIV веков данные захоронения составляют всего 11,97 % всех разрушенных погребений.

Вполне возможно, что такое увеличение обряда обезвреживания в VIII-XIII вв. связан с влиянием салтово-маяцкой культуры, для которой этот обряд был характерен в I-VIII в.

Кроме Окско-Сурского междуречья, такие захоронения известны и на других территориях. Но ареал распространения этого обряда столь велик, что перечислить все области его существования очень трудно. Кроме древней мордвы, данный обряд получил достаточно широкое распространение и в среде финно-угров, и за ее пределами. Так в III-IV вв. обряд обезвреживания был известен сарматам (II Ахмеровский, Салиховский могильник), вплоть до VII в. он существовал у турбаслинских племен (Дежневский, Турбаслинский могильники), бахмутинской культуры (Бирский могильник), в VIII-X вв. у салтово-маяцкой культуры (Маяцкий, Салтовский, Рубежанский могильники), в VII-X вв. он присутствовал в погребениях мери (Хотимльский могильник, курганы близ Кинешмы), в IX-XI вв. у вымской культуры, в XII-XIV вв. в памятниках макушенского типа (Макушенский могильник), релкинской культуры (могильник Релка), у удмуртов, родановской культуры и т.д.

Истоки данного обряда уже освещались в первой главе. Скорее всего обряд обезвреживания погребенных был связан с необычайным страхом перед умершими. Наиболее четко эти причины сформулировал В.С. Флеров. Он считал, что в древности боялись не духа умершего, а непосредственно трупа, который может выйти из могилы и навредить. Но разрушение самого трупа, сохранившего еще во всей полноте облик умершего, не допускалось. Поэтому для первичного обезвреживания погребенному связывали ноги. Затем, через прошествии нескольких лет, могилу вновь вскрывали и разрушали кости покойного. Причем в некоторых случаях обезвреживались лишь некоторые части скелета, например, отсекались голова, кисти рук, ступни, а в некоторых случаях костяки разрушались полностью. Скорее всего, сильному разрушению подвергались те, кто представляли наибольшую угрозу для населения (самоубийцы, шаманы и т.д.). Этот факт подтверждает в первую очередь то, что в могильниках практически не встречаются детские разрушенные захоронения.

§ 3. Результаты взаимодействия различных способов захоронения. Существование обрядов, оставлявших после себя разрушенные погребения, с течением времени приводило к появлению новых вариантов, многие из которых сегодня трудно определяемы. К неопределенным захоронениям отнесены все те погребения, где присутствие обрядов вторичного захоронения и ритуального разрушения были подвергнуты сомнению. Это захоронения, где найдены лишь небольшие фрагменты костей, которые находились в сильно смешанном состоянии на дне и в засыпке могильных ям. Во всех этих погребениях определить точно, какой обряд захоронения практиковался, невозможно. Также к неопре-

деленным разрушенным захоронениям отнесены погребения, где кости были смещены со своего первоначального положения по неизвестным причинам.

Данные погребения присутствовали в могильниках III-XIV вв. Верхнесурской, Примокшанской, Тешской, Поволжской и Нижнесурской групп. Они составляют 49,9 % (275 погребений) от всех разрушенных погребений.

Первые неопределенные разрушенные захоронения относятся к III-IV вв. В это время они появились на территории Посурья и в Примокшанья. В это же время на данных территориях появляются обряды вторичного захоронения и обезвреживания.

В Посурье неопределенные разрушенные захоронения этого периода были найдены в погребениях Шемьшейского могильника в простых грунтовых ямах, ориентированных по линии С-Ю. Внутримогильные конструкции в погребениях отсутствовали. И лишь в одном погребении была найдена лубяная подстилка. Степень разрушения костяков была различной. В одних погребениях найдены лишь мелкие фрагменты костей, в других костяки сохранились полностью, но кости были сильно смещены со своего первоначального положения. Все неопределенные разрушенные захоронения принадлежали женщинам.

Инвентарь был достаточно разнообразен. Это свидетельствует о том, что погребения не были ограблены. По своему составу он был точно такой же, как и в погребениях с труположениями. Располагался он либо среди перемешанных костей и в засыпке могильной ямы, либо лежал в порядке ношения.

В Примокшанье неопределенные разрушенные захоронения встречены в двух погребениях Ражкинского могильника, где найдены и обезвреженные захоронения. Поэтому можно предположить, что и в этих погребениях практиковался тот же обряд. Однако в обоих погребениях сохранились лишь очень мелкие фрагменты костей, разбросанные по дну могильной ямы.

Инвентарь в таких погребениях по своему составу ничем не отличался от других захоронений. Интересен тот факт, что в одном из захоронений, несмотря на большую степень разрушения костей, инвентарь лежал в порядке ношения.

Неопределенные разрушенные захоронения IV-V вв. найдены только в Степановском (Пензенском) и Селикса-Трофимовском могильниках Посурья, на территории Примокшанья данные погребения исчезают.

Для неопределенных разрушенных погребений в этот период были характерны следующие черты: захоронение в простых ямах, ориентированных по линии С-Ю. Внутримогильные конструкции отсутствовали. По своим размерам могильные ямы этих погребений ничем не отличались от погребений с труположениями. Кости в данных погребениях

ниях были сильно смещены со своего первоначального положения. Захоронения принадлежали мужчинам, женщинам и детям.

Инвентарь в неопределенных разрушенных погребениях состоял из оружия, орудий труда, деталей одежды и украшений. Располагался он либо в порядке ношения, либо был разбросан по всему дну могильной ямы.

На следующем этапе, в V-VIII вв., неопределенные разрушенные захоронения на территории Окско-Сурского региона присутствуют только в Ивановском могильнике Нижнесурской группы. По параметрам могильных ям неопределенные разрушенные погребения данного периода ничем не отличались от захоронения предыдущего этапа. Костяки в погребениях были разрушены полностью, кости находились на разной глубине. Тем не менее инвентарь находился в порядке ношения, что при таком разрушении очень странно.

В VIII-XI вв. неопределенные разрушенные захоронения вновь наблюдаются в Примокшанье в погребениях могильника Красный Восток, но количество их на данной территории невелико. Эти погребения были найдены преимущественно в ямах прямоугольной формы с отвесными стенками и ровным дном. Размеры по своим параметрам не отличались от других погребений. Степень разрушения костяков была различной, но практически во всех погребениях кости были разрушены полностью и находились на разной глубине. По этой причине пол покойных определить было невозможно. Инвентарь в погребениях, как правило, был разбросан по всему дну могильной ямы и находился в засыпке.

Однако уже в XI-XIII вв. количество таких захоронений здесь резко возрастает, и связано это с функционированием могильника Татарская Лака II (Примокшанская группа). Кроме того, в это время разрушенные захоронения появляются и на р.Теше, в могильниках Погиблово, Заречное II, Сыресево II, Выползово I, II,VI, Пятницы VII, Личадево V, Стексово II, Красное I.

На Теше неопределенные разрушенные погребения были найдены в ямах прямоугольной формы, ориентированных по линии С-Ю. Дно во всех ямах было ровным, стенки отвесными. В некоторых погребениях были найдены внутримогильные конструкции в виде заплечиков и ямок на дне могильной ямы. Также в некоторых погребениях присутствовали следы лубяной подстилки, бересты и даже остатки гробовищ. Костяки во всех погребениях были разрушены полностью, кости сохранились лишь фрагментами. Разрушению подвергались как мужские, так и женские погребения. Детских разрушенных захоронений всего два. Также на этой территории есть и парные разрушенные захоронения.

Инвентарь неопределенных разрушенных захоронений по своему составу был такой же, как в других погребениях. Во всех погребениях он был разбросан по дну могильной ямы и находился в засыпке. В нескольких погребениях были найдены ритуально обезвреженные ножи и серпы. В заполнении присутствовала керамика, кости животных и уголь. Это свидетельствует о наличии поминальной трапезы у населения, оставившего эти могильники.

В XIV в. количество неопределенных разрушенных погребений резко сокращается, и они были обнаружены лишь в нескольких погребениях Поволжской группы. Данные погребения присутствуют в Муранском могильнике.

На этой территории неопределенные разрушенные погребения по своим параметрам ничем не отличались от разрушенных погребений предыдущего периода. Кости в них были разбросаны по всему дну могильной ямы, инвентарь находился в засыпке и на дне могильной ямы. Керамика, уголь, кости животных в погребениях отсутствовали.

Итак, неопределенные разрушенные захоронения на территории Окско-Сурского междуречья присутствовали на всем протяжении рассматриваемого периода с III по XIV вв. Они составляют примерно половину всех ритуально разрушенных погребений этого региона и присутствуют в тех же могильниках, в которых были найдены погребения с обрядом обезвреживания и вторичного захоронения. Этот факт, а также большое количество инвентаря в данных захоронениях, который иногда даже был не тронут со своего первоначального положения, свидетельствует о том, что и здесь практиковались обряды обезвреживания или вторичного захоронения. Но из-за сильного разрушения костяков и плохого состояния костей (в некоторых погребениях сохранились лишь небольшие фрагменты трубчатых костей) нельзя точно определить, какой же ритуал здесь применялся.

Таким образом, благодаря анализу погребений с разрушенными костяками, можно сделать вывод, что в III-XIX вв. у населения Окско-Сурского междуречья существовало несколько обрядов ритуального разрушения костяков.

Это вторичные захоронения и погребения с обрядом обезвреживания. Оба этих обряда существовали одновременно, но при этом имели собственные черты и истоки. Кроме того, была выделена группа погребений с неопределенными разрушенными костяками, которые в силу вышеуказанных причин не вошли ни в одну группу.

В **заключении** диссертационной работы обобщаются выводы по изученной теме. В результате проведенного анализа было установлено, что на территории Окско-Сурского региона погребения с разрушенными костяками существовали на всем протяжении III-XIV вв. Их количество на данной территории то уменьшалось, то резко увеличивалось, и они несколько меняли свои черты, что, видимо, связано с притоком инородного населения

и изменением исторической ситуации. Они могли исчезнуть на одной территории, но тут же спорадически возникали на другой. Как правило, исчезновение разрушенных захоронений было связано с исчезновением могильников в данной области, но никогда они не были связаны с отказом самого народа от практики разрушать захоронения. В связи с этим можно считать, что ритуально разрушенные захоронения являются неотъемлемой частью погребальных обрядов населения Окско-Сурского междуречья.

В то же время, учитывая достаточно большой процент неопределенных разрушенных захоронений, имеются перспективы для дальнейшего изучения этой темы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Осипова Т.В. К проблеме обряда вторичного захоронения Среднего Поволжья // VIII Ключевские чтения. Материалы конференции. Пенза, 1999. С.5-12.
2. Осипова Т.В. Основные черты обряда вторичного захоронения в Сурско-Окском междуречье // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья (проблемы хронологии и этнической истории). Тезисы конференции. Саранск, 2000. С.57-60.
3. Осипова Т.В. Семантика костюма из погребений с обрядом вторичного захоронения на территории Окско-Сурского междуречья // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов III Международной археологической конференции. Самара, 2000. С.108-109.
4. Осипова Т.В. Погребальный обряд Армиевского курганно-грунтового могильника (IX-XI вв.) // I Лебедевские чтения. Материалы конференции. Пенза, 2001. С.63-66.
5. Осипова Т.В. Погребения с разрушенными костяками в Окско-Сурском междуречье // Археология восточноевропейской лесостепи. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию А.Е. Алиховой. Пенза, 2003. С.330-332.
6. Осипова Т.В. История изучения погребений с разрушенными костяками в средневековых памятниках поволжских финнов // V Лебедевские чтения. Материалы конференции. Пенза, 2004. С.87-90.
7. Осипова Т.В. Об особой группе погребений средневековых памятников Верхнего Посурья и Примокшанья (8-14 веков) // Материалы XXXVI Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Пенза, 2004. С.144-146.
8. Осипова Т.В. Погребения с обрядом вторичного захоронения Иваньковского могильника // Материалы XXXVII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Челябинск, 2005. С.153.

9. Осипова Т.В. Типология погребений с обрядом вторичного захоронения в средневековых могильниках мордвы // VI Лебедевские чтения. Материалы конференции. Пенза, 2005. С.226-228.

10. Осипова Т.В. Обряд вторичного захоронения Верхнего Посурья и Примокшанья (на примере Армиевского курганно-грунтового могильника) // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Астрахань, 2006. С.174-175.